

Анна Борисовна Агафонова

Череповецкий государственный университет

старший преподаватель

a.b.agafonova@gmail.com

Рецензия на кн.: Лупанова Е.М. История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. / Серия: Территория истории. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.

Одной из актуальных тем современной историографии экологической истории является история лесопользования. За рубежом история лесного хозяйства является достаточно развитым направлением исторических исследований: в США с 1946 г. действует Общество истории леса (Forest History Society), в немецкой культурной истории лес позиционировался одним из символов духовного единства нации, а на современном этапе в этом направлении работают Й. Радкау, Х. Кюстер и др. Кроме того, европейские и американские исследователи разрабатывают вопросы истребления колониальных лесов, влияния сокращения лесных площадей на изменение ландшафтов, климата, практик природопользования и проч. В отечественной исторической науке история лесного хозяйства освещалась в советский период в работах М.А. Цветкова, И.Г. Бейлина и С.В. Кирикова. В современной историографии возрождается интерес к истории лесопользования и охраны лесов, но работы, комплексно освещающие развитие лесного хозяйства России, достаточно редки и, как правило, касаются истории советского периода. В данном контексте монография старшего научного сотрудника отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН Евгении Михайловны Лупановой является весьма знаковой, поскольку она затрагивает широкий круг проблем политической, экологической, технологической, социально-экономической и культурной истории XVIII в.

Автор исследует процесс становления и развития лесного хозяйства как важную часть процесса модернизации XVIII в. Работа состоит из пяти глав, которые раскрывают технологические особенности ведения лесного хозяйства (глава 1), процесс становления государственной монополии на леса (глава 2), становления прав частных владельцев (глава 3), изменения в лесном хозяйстве в 1762–1797 гг. (глава 4), специфику регулирования лесопользования адмиралтейским ведомством (глава 5). Исследование Е.М. Лупановой посвящено изу-

чению Европейской части России, поскольку, как отмечает автор, контроля за лесами на Урале и в Сибири в исследуемый период фактически не было (с. 62 – 63). Хронологические рамки работы охватывают период, когда управление лесами относилось, преимущественно, к ведению Адмиралтейств-коллегии, а правительство рассматривало леса в качестве ресурса для кораблестроения, осознавая его ценность для экономики государства (с. 61). Е.М. Лупанова внутри обозначенных хронологических рамок выделяет четыре периода становления лесного хозяйства: первый период связан с введением государственной монополии на леса (1696–1726 гг.); второй – с отменой монополии и ее последствиями (период дворцовых переворотов); третий период был обозначен тенденцией передачи прав на лесные угодья частным собственникам (в правление Екатерины II); четвертый период знаменателен попытками возвращения к прежним монополистическим принципам и росту влияния государства в сфере управления лесными ресурсами (1798–1802 гг.) (с. 62).

Автор придерживается теории экологической модернизации, отмечая, что интеграционная модель взаимодействия человека и природы, предполагавшая их гармоничное сосуществование друг с другом, в исследуемый период сменилась трансформационной моделью. Последней оказались присущи идеи о необходимости преобразующей, упорядочивающей и рационализирующей деятельности человека (с. 13). В связи с этим, усиление контроля, введение монополий и процесс всеобщего закрепощения Е.М. Лупанова трактует как трансфер, а также как стремление усилить традиционные начала самодержавия (с. 18–19). В своей работе исследователь исходит из тезиса «всеобщего закрепощения»: формирование в XVIII в. отношения к лесу как к собственности, которая способна приносить доход и о сохранности которой необходимо заботиться (с. 31). Авторская концепция, опирающаяся на теорию экологической модернизации и тезис «всеобщего закрепощения», в работе реализуется через последовательный анализ развития правовой базы, правоприменительной практики, технологий эксплуатации и практик управления лесами на каждом из четырех этапов становления лесного хозяйства.

Несомненным достоинством работы является обширная источниковая база, включающая в себя: законодательные акты, записки царственных особ, законопроекты, научные и популярные научные работы о лесном хозяйстве, челобитные, прошения, жалобы, судебные дела, документы Адмиралтейств-коллегии, документы сенатского делопроизводства, Уложенной комиссии, помещичьи наказы приказчикам имений, инструкции управляющим заводами, документы канцелярии Г.Г. Кушелева, путевые заметки, дневники и письма.

Первая глава «Технологии лесного хозяйства» знакомит читателя с причинами и характером дефицита лесных ресурсов, со спецификой организации надзора за лесным хозяйством, а также раскрывает весь технологический про-

цесс заготовки и первичной обработки древесины. В этой главе автор раскрывает предпосылки «закрепощения» лесных ресурсов, обращаясь к анализу причин, способствовавших ужесточению контроля за лесным хозяйством. В первом параграфе главы Е.М. Лупанова отмечает, что проблема высококачественных лесоматериалов резко обострилась в момент закладки первых российских судов и оставалась таковой многие десятилетия (с. 65). В связи с этим, главным стратегическим ресурсом государства, составляющим его основной военный потенциал, в первой четверти XVIII в. были признаны дубовые леса Поволжья (с. 66). А политика Петра I в отношении лесных ресурсов была нацелена на достижение практической задачи – заготовки леса для судостроения, следствием чего стало ужесточение контроля за использованием древесины в бытовых целях (с. 67). Второй параграф «Развитие производства и торговли» посвящен анализу использования лесных ресурсов в традиционных отраслях производства: смолокурении и солеварении, которые требовали больших расходов древесины.

В третьем параграфе автор выделяет основные характеристики дефицита лесов. В частности, она отмечает, что проблема недостатка лесов в XVIII в. была обусловлена нехваткой материалов высокого качества в непосредственной близости от верфей, предприятий или сплавных рек, что вызывало общественное беспокойство по поводу истощаемости этого ресурса. Подобное объяснение беспокойства за истощение лесных ресурсов в немецких государствах XIX в. приводит и Й. Радкау, что говорит о схожести восприятия европейским и российским обществом проблемы истребления лесов. В данном контексте интересен вывод Е.М. Лупановой о том, что для России XVIII века были актуальны все четыре аспекта дефицита лесных ресурсов, которые представлены в современной зарубежной историографии. Во-первых, дефицит ощущался населением, особенно на Севере страны; во-вторых, он ощущался вследствие запрета на вырубку, который являлся частью авторитарной политики государства. В-третьих, дефицит древесины ощущался в городах, которые в новых условиях вынуждены были платить за нее; в-четвертых, забота о лесе являлась точкой пересечения интересов государства и общества, средством управления и способом демонстрации заботы о стране и ее богатствах (с. 71–72).

Четвертый параграф повествует о лицах, занимавшихся лесным хозяйством: здесь автор приводит характеристику должностных обязанностей чинов, занятых в надзоре за лесами, в лесозаготовках, в научном изучении лесов, а также фактическое положение дел с кадровым обеспечением лесного надзора. При этом Е.М. Лупанова отмечает, что появление профессиональных групп и лиц, ответственных за состояние лесов на местах, являлось одним из аспектов модернизации. Характеризуя технологические особенности заготовки, обработки и транспортировки древесины в следующих четырех параграфах, автор книги

заключает, что в XVII–XIX вв. они не претерпели изменений, переход от рубки лесоматериалов к их распиловке шел очень медленно, что потребовало вмешательства правительства (с. 111). В конечном счете, развитие технологий послужило толчком к росту объемов заготовок леса, что привело к его дефициту. Кроме того, Евгения Михайловна выделила следующие неблагоприятные экологические последствия лесозаготовок: засорение малых рек и исчезновение в них рыбы, вследствие молевого сплава (с. 101); гниение заготовленного леса на открытом воздухе в силу нехватки сараев для его хранения (с. 103); нерациональное расходование лесоматериалов и их потери при лесозаготовках. Анализируя последствия трансфера технологий, в частности, заимствования европейского опыта подчисток сухостоя, автор отметила, что они привели к сильному изреживанию лесов, общему ослаблению и незащищенности стоящих отдельно друг от друга деревьев (с. 107). В целом, в первой главе через исследование направлений использования, практик эксплуатации лесных ресурсов, характера их дефицита и проблем надзора за лесным хозяйством, Е.М. Лупанова объясняет причины, по которым лес постепенно становился ценным, подконтрольным государству ресурсом.

Вторая глава монографии «Становление государственной монополии на леса» раскрывает сущность процесса формирования особого порядка лесопользования, который характеризовался государственной монополией на леса и подчинением порядка использования природных ресурсов нуждам флота и крупных государственных проектов. Описывая французский и немецкий опыт управления лесным хозяйством, Е.М. Лупанова пришла к выводу, что в России первой четверти XVIII в. для сохранения лесов в равной степени использовались и административный ресурс, на котором базировались французские практики лесоводства, и научный подход, характерный для лесного хозяйства Германии (с. 127). Роль административного ресурса раскрыта автором в двух параграфах, посвященных законодательству о лесопользовании и становлению системы управления лесным хозяйством. Исследование правоприменительной практики, проведенное Евгенией Михайловной, показало, что с развитием технологий и закрепощением природного ресурса лес утратил свое сакральное значение, а на первый план вышли потребительские настроения и идеи покорения природы человеком (с. 136). Кроме того, законодательство носило декларативный характер: помещичьи леса оставались без правовой защиты в условиях ограниченных возможностей власти по контролю за вырубками и самоуправства крестьянских общин (с. 140–141). Помимо законодательной базы обращения с лесными ресурсами, еще одним инструментом тотального учета и контроля, по мнению автора, являлось картирование и описание лесов с оформлением их в кадастры (с. 147). При анализе последствий проводимой государством политики в отношении лесов Е.М. Лупанова указала, что в промышленности суще-

ствовала двойная монополия: государственная монополия на лес и монополии на производство соли, дегтя, смолы, поташа и проч. (с. 147). Также в этой главе Евгения Михайловна существенно дополняет свои выводы из первой главы об осознании дефицита лесных ресурсов населением империи. В частности, она отмечает, что наиболее ощутимым процесс обезлесения был для крестьян, которые первыми стали свидетелями меняющихся ландшафтов и столкнулись с ограничениями в бытовом потреблении древесины (с. 148). Среди горожан первыми дефицит леса на себе ощутили петербуржцы, вынужденные покупать древесину для собственных нужд, поскольку близлежащие леса были вырублены при строительстве города. В данной главе автор обратилась и к развитию общественной и научной мысли по вопросу лесоустройства в Российской империи, представив взгляды В.Н. Татищева, Ф.С. Салтыкова и И.Т. Посошкова на рациональное использование лесов. Е.М. Лупанова посредством анализа правовой системы и правоприменительной практики, направленных на ограждение от истребления казенных лесов, показала, с какой решительностью государство ставило под контроль лесное хозяйство. Ограничения в пользовании лесными ресурсами, накладываемые на горожан, казенные заводы, и правовая незащищенность помещичьих лесов приводят читателя к выводу о приоритетности государства в эксплуатации лесов в первой четверти XVIII в. При этом ужесточение контроля, по мнению автора, сопровождалось модернизацией лесного хозяйства в целом: изменилось понимание ценности леса как ресурса, способного приносить доход и обеспечивать стратегические интересы страны, усилилась эксплуатация лесных ресурсов, началась разработка специального законодательства, стали внедряться новые технологии, лесное хозяйство подверглось точному учету и бюрократизации.

Третья глава «Становление прав частных владельцев» повествует о противоречиях государственной политики в области использования лесов. В данной главе автор раскрывает противоречия, с которыми столкнулось государство в процессе «закрепощения» леса. Стремление поставить под жесткий контроль лесные ресурсы негативно отразилось на экономическом развитии государства, что, в свою очередь, привело к ослаблению контроля и признанию прав подданных на лесные богатства. Однако послабление крепостнических порядков в лесном хозяйстве и попытки предоставить помещикам право частной собственности на леса, по мнению Е.М. Лупановой, не решило вопрос о том, кто должен выполнять патерналистскую функцию – отвечать за состояние лесов и быть заинтересованным в рационализации лесного хозяйства (с. 219). В главе автор обращается к анализу изменения законодательной базы, отмечая, что, несмотря на ряд указов, выпущенных в 1726–1727, 1736 и 1753 гг., право помещиков распоряжаться своими лесами фактически оставалось не закрепленным на законодательном уровне. При этом данные указы фактически позволили дворя-

нам, которые владели лесами, приступить к выработке собственных мер по охране лесов (с. 217). Особый интерес представляет вывод Е.М. Лупановой о том, что государство, будучи основным потребителем лесных ресурсов, вину за их истребление перекладывало на своих подданных, побуждая последних дискутировать о варварском отношении к природе отдельных социальных или профессиональных групп (с. 191–192). Также автор обратила внимание на нарушения в работе лесных чиновников на местах, назвав их более сложной проблемой, чем дефицит лесоматериалов (с. 200). В третьей главе Евгения Михайловна вновь обратилась к проблеме дефицита древесных материалов и топлива в столицах, акцентировала внимание на изучении лесов и опытах по лесоустройству. В завершение автор резюмировала, что отмену государственной монополии и установление прав частных владельцев задерживали абсолютистское правительство, не готовое отказаться от своих верховных прав на землю, и общество, в котором еще не сформировалось представление о частной собственности на землю (с. 219). Соответственно, формально отмененная Екатериной II государственная монополия на лес на практике продолжала существовать.

В четвертой главе «Лесное хозяйство в 1762–1797 гг.» автор показывает развитие законодательной базы и противоречия правоприменительной практики в области лесопользования, а также знакомит читателя с освещением проблем лесного хозяйства в печатных изданиях. Отличительной чертой периода с 1762 по 1797 гг., по мнению Е.М. Лупановой, стало усиление частнособственнических тенденций на лес при регулярном нарушении прав частной собственности и отсутствии эффективных способов защиты этих прав. Евгения Михайловна отмечает, что законодательство в данный период развивалось в направлении переложения обязанностей лесного надзора с чиновников, специализировавшихся на охране лесов, на других государственных служащих, а также ужесточения наказания за недосмотр за состоянием лесов. При этом наблюдавшийся рост объемов вырубki леса, по оценке автора, был связан с развитием торговли и промышленности (с. 235–236), а также с межеванием земельных ресурсов и разделением прав собственности (с. 261). На последнее оказали влияние возросшая доходность кораблестроения из казенных лесов, а также обложение налогом частных лиц, торгующих древесиной (с. 223). Кроме того, автор вновь обратилась к проблеме дефицита лесных ресурсов в Санкт-Петербурге, подчеркнув здесь значимость данной проблемы для горожан как для потребителей леса. Автор обратила внимание на возрастание интереса общественности к проблеме дороговизны древесины в столице, представив различные точки зрения на эту проблему, а также правительственную политику в ее решении. Значимой представляется и выявленная Е.М. Лупановой особенность картирования лесов. Автор отметила, что, осознав доходность и ценность леса, государство приступило к его изучению путем командирования специаль-

ных комиссий в различные губернии. При этом собранные этими комиссиями данные зачастую изымались правительством и в дальнейшем доступ к этой информации был ограничен. В последующие десятилетия данное стремление власти к монополизации научных знаний о лесах негативно отразилось на состоянии лесного хозяйства России.

Евгения Михайловна, соглашаясь с Й. Радкау, отмечает, что по своей структуре крестьянское хозяйство не могло приводить к разорению и истреблению лесов, а, напротив, сами крестьяне больше, чем кто-либо, были заинтересованы в сохранении ресурсов (с. 265). Также исследователь указывает на зарождение в обществе к концу XVIII в. экологического сознания, которое было ориентировано не только на решение утилитарных задач, но и на удовлетворение эстетических потребностей граждан (с. 270). Последнее автор раскрывает при анализе печатных изданий, поднимавших на своих страницах вопросы лесопользования, а также при исследовании лесного хозяйства в помещичьих имениях. В этой главе Е.М. Лупанова показывает, что, несмотря на возрастающий интерес общества к проблемам развития лесного хозяйства, на привлечение его к регулированию отдельных аспектов лесопользования, государство ограничивало доступ к информации о состоянии российских лесов.

Пятая глава «Регулирование лесопользования Адмиралтейским ведомством в 1798–1802 гг.» освещает противоречия, обусловленные попыткой возврата государственной монополии на лес в условиях процесса становления частной собственности на землю. Автор анализирует развитие законодательства, которое в те годы было нацелено на усиление запретительных мер в сфере лесопользования, а также правоприменительную практику. В данной главе Е.М. Лупанова акцентирует внимание на том, что возврат к запретительным мерам в области лесопользования, которые действовали при Петре I (усиление крепостнических порядков по отношению к лесам), не мог произойти на новом этапе модернизации лесного хозяйства.

Таким образом, книга «История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг.» является первым современным комплексным исследованием по истории лесопользования в период становления Российской империи. Работа вносит существенный вклад в экологическую историю России, давая представление не только о специфике и контексте развития лесного хозяйства в XVIII в., но и помогая специалистам по другим эпохам разобраться в специфике политики государства в сфере использования лесных ресурсов. Исследование Е.М. Лупановой позволяет расширить поле исследования истории лесоохранного законодательства, выстроить интеллектуальные мостики к истории государственного и муниципального управления, к истории общественной мысли и проч. Вместе с тем, представляется, что предметом дальнейших исследований могут стать недостаточно освещенные в настоящей монографии во-

просы экологических последствий и масштабов обезлесения в XVIII в., а также практики лесоохраны и их фактическая эффективность. Книга будет полезна как специалистам-историкам, биологам, географам, культурологам, так и широкому кругу читателей.

Для цитирования: *Агафонова А.Б.* Рецензия на кн.: Лупанова Е.М. История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. Серия: Территория истории // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 1. С. 109–116.